

9. Макаров Н.А. Усадьба Станкевичей в селе Новый Курлак // Русские провинциальные усадьбы XVIII – начала XX века. Воронеж, 2001. С.151.

10. Там же.

11. Колесникова Л.И. Ракитное – усадьба Юсуповых // Русские провинциальные усадьбы XVIII – начала XX века. Воронеж, 2001. С.26.

12. Корниенко Н.Г. Семидубравное – имение Потаповых // Русские провинциальные усадьбы XVIII – начала XX века. Воронеж, 2001. С.125

КРЕСТЬЯНСКИЙ “КАПКАЗ” ИЛИ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ РУССКОГО КРЕСТЬЯНИНА О СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В XIX в.

Рейко Марина Николаевна, Ячменихин Константин Михайлович
Черниговский государственный педагогический университет имени Т.Г. Шевченко

В статье анализируется отношение русских крестьян к Кавказской проблеме и специфика этого явления на протяжении XIX века. Представление крестьянства о Северном Кавказе является элементом общественного мнения имперской России относительно края в данном отрезке времени.

Ключевые слова: кавказская проблема, крестьяне, горцы, хищники, “Капказ”.

Such investigation has focused on the concept of Russian peasant concerning on Caucasian problem and peculiarities of this appearance during the XIXth century. The idea of Russian peasantry about Northern Caucasus is a constituent of a social thought of Russian Empire regarding to the country at the given period of time.

Key words: Caucasian problem, peasants, mountain-dwellers, spoilers, “Kapkaz”.

Практически 200 лет прошло с начала Большой Кавказской войны и, тем не менее, проблема не утратила актуальности в XXI веке. К сожалению, данная тема волнует не только историков – Кавказ еще совсем недавно считался “горячей точкой”, да и сейчас не все вопросы там разрешены. Именно поэтому возрастает важность заданий, поставленных перед историками, поскольку только детальный и непредвзятый анализ прошлого поможет осознать, и, не исключено, решить многие проблемы. Бесспорно, кавказская тематика не лишена внимания исследователей, но основной взгляд историков падал и падает до сих пор на событийную составляющую. Фактаж захватил лидерство в изучении данного вопроса, что, казалось, могло бы решить большинство дискуссионных тем. Но такая увлеченная однобокость привела к совершенно противоположным результатам – количество спорных вопросов увеличивалось, а многие из них стали просто риторическими. Дискуссии между историками превратились в поле брани, не уступающее по силе и интенсивности самой Кавказской войне. В такой ситуации не сложно и забыть, что есть и другие контенты данной проблемы, на которые стоило бы пролить побольше света. На наш взгляд, немаловажной составляющей истории Кавказской войны является своеобразная атмосфера, царившая в XIX веке вокруг данной темы. Ведь такая атмосфера формирует отношения и установки, а они, в свою очередь, влияют на поведение людей, приехавших с определенной целью на Северный Кавказ. Именно поведение составляет поступки, поступки слагаются в события и, в зависимости от масштаба, эти события уже являются историей, непосредственно интересующей исследователей.

Россия XIX века представляла собой удивительное соотношение социальных групп. В начале столетия на территории империи проживало около 42 миллионов человек, 90 % из которых составляло крестьянство, к концу века соотношение уменьшилось до 80 % крестьян и 20 % “привилегированных” слоев при населенности 93 миллиона человек. Это большинство и стало предметом нашего исследования: какие мысли относительно Кавказской проблемы роились в головах крестьян? Какие мифы рождались? Что они думали о горцах и войне? Л.Н. Толстой в своих кавказских рассказах показывает, что солдаты и крестьяне называли интересующий нас край “Капказом”. Этот термин мы вынесли в заглавие нашего исследования. Так какой же он, крестьянский “Капказ”? На пути к решению поставленной задачи существовало немало трудностей. В первую очередь – отсутствие работ, посвященных данной тематике. Вторая группа проблем оказалась еще острее: где найти свидетельства, которые нас интересуют? К каким источникам обратиться в поисках ответа на поставленные вопросы? Ведь крестьянское сословие осталось самым молчаливым в истории XIX века... Но задача стоила того, чтобы настойчиво искать источники.

Для решения поставленного вопроса мы обратились, в первую очередь, к немногочисленным воспоминаниям крестьян с надеждой найти необходимый материал. Исследователи крестьянских воспоминаний акцентируют внимание на единичности и уникальности этого жанра. Причиной такого явления называют неграмотность, неосознанность собственной жизни и важности сведений о ней для читателей¹. Крестьянские воспоминания – это в большинстве своем размышления о “необыденном” жизненном пути, который довелось пройти, о том, как из бедности и ничтожества автор возвысился до богатства и достойного общественного положения². Эта особенность является негативной для исследователей крестьянского быта, но на руку нам, поскольку рассказывай бы некий крестьянин о своей каждодневной работе, не узнали бы мы о его отношении к Кавказской проблеме. Так, например, среди известных мемуаров есть “История моей жизни и моих странствий” нижегородского крестьянина Н.Н. Шипова³, в которых автор повествует о своих скитаниях, и, между делом упоминает, как он попал на Северный Кавказ и даже побывал в плену у горцев! Также мы обратились к российской литературе XIX века, на страницах которой авторы показывали отношение крестьянства к Кавказской проблеме, а именно: “Казачья колыбельная песня” М.Ю. Лермонтова⁴, “Письма из Дагестана” А.А. Бестужева-Марлинского⁵, “Набег. Рассказ волонтера” и “Рубка леса” Л.Н. Толстого⁶. Авторы дан-

ных произведений побывали на Кавказе, участвовали в военных действиях и реалистичности изображенных ими образов мы можем вполне доверять.

Николай Николаевич Шипов, нижегородский крестьянин, в 1834 г. бежал со своей беременной женой от помещика. После скитаний по территории современной Украины, автор решил ехать на Кавказ, в Пятигорск, заниматься торговлей. Дела Шипова шли достаточно хорошо, и уже через год он подал заявку и соответствующий капитал для записи в пятигорские купцы, но предприятие затянулось, и автор дополнительно идет комиссионером к сотнику донского полка В. Сухорукову. В 1837 г. наш герой расстался с Сухоруковым при не очень хороших обстоятельствах, что повлекло за собой ряд неудач. По навету недругов Шипова с женой посадили в тюрьму в Ставрополе. В конце 1837 г. о пребывании в остроге узнал същик Шипова Павеллев и предложил ему вернуться в Выездную слободу, откуда он был родом, но автор воспоминаний предпочел остаться и ждать решения суда. В феврале 1839 г. суд назначил высылку Шипова на родину, где его определили в арзамасский острог. Благодаря знакомым 10 октября Николая Шипова выпустили на поруительство. Но помещик Рагузин не мог смириться с таким поворотом дела и уже через 8 месяцев Шипов вновь в остроге. И только 5 ноября 1841 г. нашего героя выпустили из острога и вернули помещику.

Скверное положение нашего героя усугублялось тем, что никто не хотел брать его в услужение, и 400 рублей оброка решительно негде было взять. В данной ситуации Шипов познакомился с одним столоничальником, который давал ему читать законы и в IX томе Свода Законов, крестьянин нашел статью, в которой было сказано, что крепостные люди, бывшие в плену у горских хищников, по выходе из плена освобождаются на волю со всем семейством и могут избрать род жизни, где пожелают, в течение девяти месяцев⁷. Данное обстоятельство изменило судьбу нашего героя и, обманом получив паспорт на полгода, Шипов вновь едет на Кавказ в начале 1844 г.

Благодаря старым знакомым Николай Шипов легко находит работу – поставляет Кабардинскому егерскому полку в крепость Внезапную съестные припасы. В феврале 1845 г. случилось событие, которое изменило жизнь нашего героя: “Некоторые знакомые татары предупреждали меня, чтобы я опасался ходить ночью. На эти предостережения я мало обращал внимания: я боялся только смерти; плена горцев, хоть и страшился, но в душе желал его”⁸. По пути домой вечером 8 февраля Шипова украли горцы и потребовали выкуп в 300 рублей. Н.Н. Шипов пробыл в плену с 8 по 19 февраля 1845 г. Содержали нашего героя в кандалах, плохо кормили, вечером ему надлежало следить за огнем. Благодаря знакомому мирному горцу нашему герою удалось бежать, и это предприятие завершилось успешно. В Пятигорске Н.Н. Шипов подал прошение об освобождении из крепостного состояния, с приложенным свидетельством о плене. Вместе с семьей наш герой поселился в Херсоне и стал заниматься коммерцией.

Впервые Николай Шипов упоминает о горцах Северного Кавказа при рассказе о своих делах в Кисловодске (1835 г.). При нападении на Кисловодск взяли в плен его доверенное лицо: “Черкесы казаков на посту порубили, ограбили и сожгли станицу, несколько человек взяли в плен. Этот слух сильно поразил меня и встревожил: что случилось с Кастыченком? Ведь так и самому можно быть на его месте!”⁹. Шипов рисует нам своеобразную атмосферу, царившую на подступах к Северному Кавказу, наполненную слухами о набегах, которые передавались из уст в уста. Такую информацию, естественно, впитал и наш герой, что отразилось на его отношении к собственной участи. Николай Николаевич постоянно опасается набега горцев и переживает за свою судьбу: “И где я теперь влачу мою жизнь? В Кавказских горах, в опасности от хищников, ежеминутно ожидая смерти”¹⁰. Автор представляет свою дальнейшую судьбу: “Вот-вот набег хищников – и разрубят меня горцы своими острыми пашками; тогда окровавленный труп мой не будет лежать возле могилы родителей и никто не придет оросить родными слезами мою одинокую дальнюю могилу”¹¹. Шипов указывает, что однажды “струсил не на шутку” и на фоне таких сильных переживаний даже удивлявшие всех своей красотой Дарьяльское ущелье показалось бывшему крестьянину ужасным: “С непривычки кажется, что эти утесы вот-вот сейчас обрушатся: страшно становиться, сердце сильно бьется, и творишь молитву, желая одного – как бы скорее миновать эту скалистую дорогу”¹².

Во время своего “добровольно-принудительного” плена Шипову удалось поближе познакомиться с бытом горцев и их проблемами. Наш герой сочувствует хозяину дома, в котором его содержали, ведь ему надо бояться и Шамиля, и русских, которые всегда могут напасть и истребить до основания. Более того, автор воспоминаний пытается войти в положение немирных черкесов: “Этот черкес посмотрел на меня очень свирепо, как зверь. <...> Это и понятно. Все горские народы от века своего жили свободно и независимо ни от кого. Только с русскими они вели непрерывную давнишнюю брань. Из горцев один, может быть, из десяти найдется, у кого не был бы убит русскими дед, отец, сын – какой-либо родственник. Поэтому как же иначе, как не с ненавистью, должен был смотреть на меня азиат?”¹³ Хозяина же и его родственников Николай Шипов называет товарищами. Такая его толерантность относительно немирных черкесов удивительна, поскольку до плена автор называет горцев не иначе как “хищники”, наделяя их исключительно негативными качествами. Наш торговец так взывает к Господу относительно Северного Кавказа: “Дай Бог нашему царю скорее покорить Шамиля с его хищными народами и завоевать эту мятежную землю, в которой можно найти немало богатства и изобилия; Бог даст, настанет конец этим постоянным браням и кровопролитиям, и наш царь овладеет этой прекрасной страной”¹⁴.

Таким образом, Н.Н. Шипов в воспоминаниях попытался сформулировать свои представления о Кавказской проблеме. Восприняв установки социума, наш герой очень боялся горцев и, что особенно интересно, не стал скрывать это обстоятельство – в воспоминаниях представителей офицерского корпуса таких деталей не найдешь. И что интересно, скорее всего, до приезда на Кавказ автор не был достаточно осведомлен по поводу горских набегов, или же не придавал им значения, ощущая только, что на Северном Кавказе можно не опасаться преследований помещика. И только по приезде

в край Шипов знакомиться с кавказскими “страшилками”, бытовавшими в те времена, и они его впечатлили настолько, что нашего героя пугают даже природные особенности края. Вплоть до своего плена Шипов называет немирных черкесов преимущественно хищниками, но после знакомства с бытом горцев воспоминаний входит в их положение и даже начинает понимать причину неистового сопротивления. Теперь мирных горцев, включая и хозяина дома, в котором его содержали, автор называет товарищами. Не смотря на определенную толерантность относительно кавказского населения, Николай Шипов желал скорейшего завоевания края.

Разумеется, наш герой не классический крестьянин, но, тем не менее, он предоставил нам много информации. Добавив в нее сведения классиков русской литературы, мы получим приблизительную картину представлений крестьянства о Кавказской проблеме. Тем более что роль художественной литературы как исторического источника определяется, в первую очередь, ее значением как литературно-художественного явления определенной исторической эпохи, поскольку в литературном произведении поднимаются самые острые вопросы, неразрывно связанные с эпохой, в которую созданы мастера слова. Мы хотим акцентировать внимание на том, что и Бестужев-Марлинский, и Лермонтов, и Толстой в написании произведений опирались на собственный опыт, писав о том, что видели и слышали сами, то есть отражали эпоху и, таким образом, представленные произведения можно отнести к памятникам литературы¹⁵.

А.А. Бестужев-Марлинский, рассказывая о Кази-Мулле в “Письмах из Дагестана”, предлагает нашему вниманию такую деталь об атмосфере начала 30-х гг. XIX века: “Стоит сказать слово об этом необыкновенном человеке (Кази-Мулле – М.Р.), занимающем все базары Кавказа вестями о своих делах или замыслах, про которого поют женщины, качая ребенка, и ребята пугают друг друга”¹⁶. О традиционном воспитании детей на страхе перед горцами рассказывает нам и М.Ю. Лермонтов в “Кавказчье колыбельной песне”: По камням струится Терек, // Плещет мутный вал; // Злой чечен ползет на берег, // Точит свой кинжал; // Но отец твой старый воин, // Закален в бою: // Спи, малютка, будь спокоен, // Баюшки-баю¹⁷.

В рассказе Л.Н. Толстого “Рубка леса” есть эпизод, в котором автор изображает беседу солдат. Один из них, Чикин, на потеху остальным, рассказывает, как он хвастал перед односельчанами своими легендами о “Капказе”: “Спрашивали, как живем, – я говорю, живем хорошо, милый человек; провиант сполна получаем, утро и вечер по чашке шиколата идет на солдата, а в обед идет господский суп перловых круп, а замест водки модера полагается по крышке”¹⁸. Чикин так зарисовал односельчанам горцев: “Есть такие тавлинцы, что в каменных горах живут и камни замест хлеба едят. Те большие, говорю, ровно как колода добрая, по одному глазу во лбу, и шапки на них красные, вот так и горят, ровно как на тебе, милый человек! А то еще, говорю, мумры есть, те другие, – двойнешки маленькие, вот такие. Все по парочкам, говорю, рука с рукой держатся и так-то бегают, говорю, швытко, что ты его на коне не догонишь. <...> Ты им руки разорви, так кровь пойдет”¹⁹. Крестьянин спросил у Чикина, как они дерутся, на что литературный герой ответил: “Да так, говорю, поймают тебя, живот распорят, да кишки тебе на руку и мотают, и мотают. Они мотают, а ты смеешься; дотелева смеешься, что дух вон...”²⁰.

Самое удивительное, что односельчане искренне верили лгуну: “И такой, право, народ чудной: верют всему ей-Богу, верют! А стал им про гору Кизбек сказывать, что на ней все лето снег не тает, так вовсе на смех подняли, милый человек! - Что ты, говорит, малый, фастаешь? Видано ли дело: большая гора, да на ней снег не будет таять. У нас, малый, в ростопель так какой бугор, и то прежде растает, а в ложине снег лежит”²¹. Л.Н. Толстой мастерски показывает нам, что крестьянские представления о Северном Кавказе зависели от их кругозора, а так как кругозор не был велик, в среде крестьян распространены были всевозможные страшные легенды о крае. Небылицами односельчан подпитывали солдаты, побывавшие на Кавказе, при том небылицы носили и позитивный характер, ведь хвастовство порождало описание райских условий для русских в крае. Отсюда стремление и крестьян первой половины XIX века попасть на Кавказ в любой роли – солдата или беглеца.

Таким образом, в рамках данной статьи мы постарались выяснить отношение русского крестьянства к Кавказской проблеме. На основании имеющихся источников можно сделать вывод, что за пределами интересующего нас края в кругу крестьян бытовало мнение о том, что Кавказ – суший рай для крепостных. Точно так же, как в среде дворянства с 20-х по 40-е гг. XIX бытовало мнение относительно преимуществ военной службы на Кавказе, так и крестьян коснулось подобное убеждение. Крепостные бежали от помещиков на Северный Кавказ (это явление можно назвать массовым), не смотря на ряд пугающих легенд, основанных на реальности либо на вымысле. Эти легенды порождали страх перед горцами и их действиями, притом страх не считался чем-то скверным, для крестьянина это не было постыдным. Характерно, что в отношении к горцам крестьянство было достаточно категоричным – здесь только черные и белые краски – либо злые хищники, либо товарищи. При этом, на примере нашего героя Шипова, мы увидели, как изменялось его отношение к проблеме – познакомившись с горцами поближе, хоть и не при очень благоприятных обстоятельствах, крестьянин абсолютно оправдывает действия своих похитителей, обеляет их. И автору воспоминаний было невдомек, что собственно мирные горцы его украли и удерживали, хоть и по приказу немирных. Именно во время своего плена наш герой рассуждает о мотивах и будущем этой войны, скорее всего, до плена эти мысли не занимали разум Шипова, как и не занимали разум других крестьян, для которых мифы составляли практически все знания о крае. Во второй половине века тема Северного Кавказа угасает на страницах русской литературы, и, соответственно мы не находим здесь отражения отношения крестьян к проблеме. Скорее всего, актуальность Кавказской темы снижается не только в среде дворян, а и крестьянства. Но, на наш взгляд, не стоит ставить точку в данном исследовании – для всестороннего освещения “крестьянского Капказа” целесообразно подключить также и материалы фольклористики.

Примечания

1. Кошелев В.А. Повесть о том, как один мужик... // Воспоминания русских крестьян XVIII – первой половины XIX века / Вступ. статья, сост. В.А. Кошелева; коммент. В.А. Кошелева, Б.В. Мельгунова и В.П. Бударagina. М., 2006. С. 7.
2. Там же. С. 15.
3. Воспоминания русских крестьян XVIII – первой половины XIX века / Вступ. статья, сост. В.А. Кошелева; коммент. В.А. Кошелева, Б.В. Мельгунова и В.П. Бударagina. М., 2006. 784 С.
4. Лермонтов М.Ю. Казачья колыбельная песня // Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений в четырех томах. Т. 1. Москва, 1986. С. 81.
5. Бестужев-Марлинский А.А. Письма из Дагестана // А.А. Бестужев-Марлинский. Сочинения в двух томах. Т. 1. Москва, 1981. С. 21-104.
6. Толстой Л.Н. Собрание сочинений в двенадцати томах. Т. 1. Москва, 1984. С. 389
7. Шипов Н.Н. История моей жизни и моих странствий // Воспоминания русских крестьян XVIII – первой половины XIX. М., 2006. С. 205.
8. Там же. С. 211.
9. Там же. С. 193.
10. Там же. С. 194.
11. Там же. С. 194.
12. Там же. С. 195.
13. Там же. С. 222.
14. Там же. С. 220.
15. Шмидт С.О. Памятники художественной литературы как источник исторических знаний // Отечественная история. 2002. № 5. С. 43.
16. Бестужев-Марлинский А.А. Указ. соч. С. 24.
17. Лермонтов М.Ю. Указ. соч. С. 81.
18. Толстой Л.Н. Собрание сочинений в двенадцати томах. Т. 1. Москва, 1984. С. 112.
19. Там же. С. 113.
20. Там же. С. 113.
21. Там же. С. 114.

РАЗВИТИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОННОЗАВОДСТВА В РОССИИ XIX ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Боевец Елена Николаевна
Курский государственный университет

На курском материале рассматривается реформа государственного коннозаводства 1843 г., составной частью которой было создание земских случных конюшен. Характеризуются такие показатели их деятельности, как штатное расписание, оплата труда работников, социально-бытовые условия, организация работы случных пунктов.

Ключевые слова: государственное коннозаводство, реформа, земские случные конюшни, Курская губерния, XIX век.

Reform of the state horse-breeding in 1843 is considered on Kursk facts. Creation of Zemstvo (elective district council in pre-revolutionary Russia) pairing stables was a part of this reform. Such indicators of their activity as a regular establishment, a worker's payment, social conditions, an organization of the work of pairing places are characterized.

Keywords: state horse-breeding, reform, Zemstvo pairing stables, Kursk province, XIX century.

К началу 1840-х гг. в России стала очевидной необходимость реформы государственного коннозаводства. Указом от 7 января 1843 г. предписывалось: «Императорские военно-конские заводы, со всеми их способами, предназначить для улучшения коннозаводства в государстве»¹. Отныне их целью стало производство высококачественных племенных лошадей для улучшения племенного состава в частных заводах, а принимать в армейский ремонт лошадей с тавром государственных конных заводов запрещалось. Несколько позже были учреждены земские случные конюшни в некоторых губерниях Европейской России. Следующим указом от 11 марта "О нормальном расписании земских случных конюшен в губерниях"² было объявлено о создании 24 земских случных конюшен, в каждой из которых должно было стоять по 60 жеребцов-производителей. И, наконец, указом от 10 апреля создавалось Главное управление государственного коннозаводства.

Земские случные конюшни создавались постепенно. Первые девять – Саратовская, Тамбовская, Воронежская, Харьковская, Екатеринославская, Херсонская, Полтавская, Могилевская и Вологодская были открыты в 1843 г. Через год в них числилось около 470 жеребцов, было покрыто до 12 тыс. кобыл. В период с 1844 по 1849 г. начали действовать остальные 15 земских случных конюшен – Пермская, Вятская, Симбирская, Орловская, Тульская, Черниговская, Курская³, Рязанская, Подольская, Пензенская, Оренбургская, Виленская, Ярославская, Бессарабская и Таврическая. В случных конюшнях использовались жеребцы, поставляемые государственными конными заводами. Предполагалось, что в каждую конюшню будут назначены жеребцы пород, наиболее подходящих к условиям местного коневодства. Однако из-за недостатка таковых случные конюшни часто комплектовались теми жеребцами, которые имелись в государственных конных заводах, т. е. преимущественно верхового типа. Непосредственно в каждой случной конюшне использовали по 15 производителей, остальных 45 распределяли в три населенных пункта зоны обслуживания, каждый год в новые. На первое время плата за случку не назначалась, случные конюшни содержали за счет "общего земского сбора" губернии⁴.

Не стала исключением и Курская губерния. Здесь случная конюшня начала свою работу в январе 1845 г. в непосредственном ведении Курского Комитета о губернском коннозаводстве, образо-